

В. В. Попов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются проблемы логической природы прав человека и корректности положений о естественном характере прав человека. Основу анализа существующих подходов составляет разделение идеологического и логического аспектов учений о правах человека. Логический анализ природы прав человека составляет предпосылку корректности их юридического анализа, поэтому логические аспекты бытия прав человека положены в основание поиска естественности их происхождения. Происхождение явлений соотносится с их выводимостью, устанавливается возможность отождествления естественности и необходимости в происхождении и выведении соответственно. Делаются выводы о некорректности выведения прав человека из природы человека, и предлагаются иные подходы к решению данной проблемы.

Однопорядковость феноменов, выводимых друг из друга, предполагает рассмотрение онтологии прав человека через конструкцию К. Поппера о трех мирах бытия различных феноменов. При этом права человека отнесены автором к миру информационных явлений. Данное обстоятельство позволяет рассматривать особенности прав человека через установление особенностей именно их информационной природы. При этом отмечается ограниченность возможностей по использованию дедуктивно-номологических конструкций при включении схем с необходимым следованием и делается вывод о корректности употребления иных конструкций в поисках естественности прав человека.

Ключевые слова: Права человека, природа прав человека, естественность прав человека, информационный статус прав человека, происхождение прав человека, онтологический статус прав человека.

V. V. Popov

HUMAN RIGHTS ORIGIN: CERTAIN LOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article considers the problems of the logical nature of human rights and the correctness of the provisions on the natural character of human rights. The basis of the analysis of existing approaches is the separation of ideological and logical aspects of the teachings about human rights. Logical analysis of the nature of human rights is a prerequisite for the correctness of their legal analysis, therefore, logical aspects of being human rights are put in the basis of the search naturalness of their origin. The origin of the phenomena related to their deductibility, it is the possibility of identification of natural in origin and necessary withdrawing. The author conclusions about the incorrectness of deducing of human rights from human nature and suggests alternative approaches to solving this problem.

Comparableness of phenomenon that are deduced from each other involves consideration of the ontology of human rights through the vision of K. Popper about the three worlds of existence of various phenomena. Human rights assigned by the author to the world of information phenomena. This fact allows one to consider the peculiarities of human rights through the establishment of the peculiarities of their information nature. It is noted, the limitations on the use of deductive-nomological structures enabling schemes with the necessary adherence. On this basement the author makes the conclusion about the reasonableness of usage alternative constructions in search of naturalness of human rights.

Keywords: human rights, the nature of human rights, naturalness of human rights, information status of human rights, the origin of human rights, the ontological status of human rights

В наступающий период организованной стратегической нестабильности во внутренней и внешней политике значительной части современных государств есть повод задуматься о факторах, способствующих такой организации.

Думается, что в настоящий период даже для людей, не специализирующихся в научных изысканиях в сферах политико-правовых, достаточно очевидна двойственная природа прагматического аспекта бытия прав человека.

Двойственность эта выражается в некой «обоюдоострой» природе идей о правах человека. Данная «обоюдная острота» позволяет в зависимости от целей субъекта, практикующего воплощение в жизнь идей о правах человека, созидать государственно-правовую действительность не менее успешно, чем разрушать ее. При этом скорость и масштабы разрушения данной действительности могут очень мало зависеть от ее социальной ценности.

Автор полагает, что подобная двойственность имеет истоки не только и даже не столько в практической, но скорее в теоретической части прав человека.

Основной теоретико-методологических проблем теории прав человека является смешение политико-идеологического и логического подхода к изучаемым явлениям. Если рассматривать первоначальную классическую теорию прав человека, то очевидно, что она в теоретико-юридическом смысле базируется на теории естественного права. Достаточно типичным для естественно-правовых подходов является выбор средств изучения, выражающих в большей степени политико-прагматическую, чем гносеологическую функцию общетеоретической юридической науки.

Отчасти подобное замещение объяснимо: довольно сложно найти в сфере юридической науки вопрос менее идеологизированный и политизированный, чем вопрос о правах человека.

Это не случайно, поскольку достаточно масштабные и часто трагические для многих социальных групп преобразования государственно-правовой жизни объяснялись именно их естественностью, политико-правовой неизбежностью. И одним из самых удачных образцов политической и правовой идеологии для оправдания социальной пользы государственно-правового реформирования, причем реформирования самого радикального, является именно теория естественного права.

При этом проблема юридической природы естественного права или даже вопрос о его существовании является достаточно острым.

Прежде всего это обусловлено теоретическими особенностями моделей происхождения данного права.

Кроме того, весьма сложным является вопрос о том, каково соотношение естественного права

и позитивного, какие права человека являются естественными, а какие следует отнести к позитивным. Соответственно разнится и критериальная ценность естественно-правовых моделей, разнится возможность идеологического обоснования ценности действующего правопорядка.

Несмотря на то, что в советской юридической науке вопрос о возможности заимствования естественно-правовых воззрений не мог быть решен положительно, в постсоветской юридической мысли данные идеи были достаточно быстро восприняты.

Причина этого видится в том, что идеологическая значимость естественно-правовых идей в определенном смысле довольно схожа с идеологической значимостью юридической науки марксистского толка.

Конечно, данный тезис может вызвать определенное недоумение. Но если посмотреть на диалектико-материалистические утверждения о знании объективных законов общественного развития, то очевидна их схожесть со знанием о законах (закономерностях) естественного общественного развития.

Различие между объективностью и естественностью применительно к возникновению, функционированию и развитию правовых явлений представляется для многих как весьма эфемерное, практически отсутствующее.

Сама модель, объясняющая возникновение и развитие государственно-правовых феноменов, остается одинаковой. Данная модель позволяет обосновать определенную неизбежность, непреложность той или иной государственно-правовой действительности, даже если сама эта действительность изменится радикально, хотя еще недавно такое изменение признавалось невозможным.

Конечно, подобные идеологические схемы очень привлекательны для субъектов политико-правовой деятельности различного уровня. Утверждение о знании естественности появления, изменения тех или иных правовых явлений особенно вырастает при возможности прямого или косвенного осуществления государственной власти, при принадлежности к политической элите пусть даже не высшего уровня.

Безусловно, в данном случае нельзя вести речь лишь о неких злоупотреблениях правовой

идеологией. Учет при издании юридических норм тенденций общественного развития значительно облегчает как эффективное регулирование существующих, так и создает предпосылки регулирования возможных в будущем общественных отношений. И поэтому вполне можно согласиться с Д. А. Керимовым в том, что, «определяя смысл прогнозируемых событий в сфере правовой жизни, их связи и тенденции развития, мы приобретаем способность так воздействовать на соответствующие условия, среду и факторы, что эти события изменяются в нужном нам направлении» [3, с. 389]. Безусловно, заслуживающими уважения следует считать проводившиеся в нашей стране исследования по выявлению экономических, территориальных, экологических, демографических, политических, культурных и др. факторов развития общества в целях совершенствования законодательства [4, с. 158].

Однако вряд ли вызовет сомнение и тот факт, что знание не столько тенденций, сколько именно законов общественного развития по существу нереализуемо практически. Во-первых, для этого нужно *знать все* обо *всех* элементах, составляющих ту часть универсума, которую мы называем обществом. Во-вторых, нужно знать *все* обо *всех* сочетаниях этих элементов, т. е. не только обо *всех* уже существующих, но и обо *всех* возможных в будущем сочетаниях. В-третьих, нужно знать обо *всех* взаимовлияниях *всех* комбинаций *всех* элементов, составляющих общество, чтобы определить *последовательность* реализации всех сочетаний всех элементов, составляющих общество.

Иными словами, чтобы *знать* о закономерностях общественного развития, нужно быть поистине *всезнающим*. Поскольку такое всезнание практически недостижимо, то реально мы можем говорить лишь о более или менее точном предположении о путях общественного развития. При этом данное предположение может быть основано на мнении, на большей или меньшей убежденности в том, что обладаешь знаниями о развитии общества.

Если говорить о смене научно-юридических парадигм постсоветского периода, о замещении марксистско-ленинской теории государства и права на естественно правовую теорию, воспринятую многими видными российскими учеными, то следует уточнить, что смена эта

довольно условна.

Более того, некоторая польза отхода от явно и неявно выражаемых марксистских претензий на своеобразное всезнание была в значительной мере нивелирована иллюзией обладания всезнанием новым. Всезнанием в свете идей либерально-правовых. Новая претензия на всезнание в юридической сфере была ярко выражена, в частности, в новых представлениях о магистральных путях развития государства и права. Причем, хотя эти пути представлялись новыми, они по образцу правовой идеологии марксистского толка опять были объявлены как единственно правильные, как объективно верные, как естественные.

Иными словами, одни «единственно верные» государственно-правовые воззрения были относительно легко и быстро заменены на другие, столь же «единственно верные» воззрения. Искключительная концептуальная «верность» данных воззрений обеспечивалась именно представлением о естественности определенных правовых явлений.

Такая быстрота и легкость смены концептуальных основ не только юридической науки, но и государственно-правовой практики заставляет задуматься. Не идет ли речь о своеобразном примате «веры над разумом»? Не заменен ли поиск рациональных идей о происхождении, о природе прав человека всего лишь *верой* в правильность естественно-правовых идей?

Нужны четко установленные не только идеологические, но и рациональные, логические основания для утверждения о том, что естественное право существует, о том, что права человека имеют естественное происхождение.

Поиск именно логических, рациональных оснований происхождения прав человека представляется автору предпосылкой для корректного решения вопроса о естественности прав человека.

Возьмем хрестоматийный пример — идею о том, что права человека исходят из самой природы человека. Собственно именно эту идею о связи природы человека и неких правовых притязаний и выражали естественно-правовые воззрения. Впоследствии данные воззрения были развиты в идею о естественных правах человека и о правах человека вообще.

В данной связи возникает вопрос: насколько

вообще корректно ставить вопрос в светской концепции прав человека именно о *естественности* определенных *прав-притязаний* на чужую вещь, о естественности некоторых правовых принципов, например, *pacta sunt servanda*? Думается, что это вопрос о том, допустимо ли выводить естественность прав человека из природы человека, природы человеческих отношений, природы вещей и т. п.

Для поиска рациональных оснований ответа на данный вопрос необходимо выяснить, что есть бытие прав человека как таковых. Как они существуют вне реализации права, вне механизма их обеспечения? Иными словами, каков онтологический статус прав человека? Для удобства самых общих представлений о данном статусе представляется полезным использование идеи Карла Поппера о трех мирах как о трех сферах бытия вообще. Представления об этих сферах используются Поппером в качестве концептуальной основы для исследования онтологического статуса различных объектов.

К миру № 1 Поппер относит мир физических состояний. Мир № 2 — это мир психических состояний (*subjective experience*) [6, с. 181]. К миру № 3 относится мир объективного содержания мыслей (*statements in themselves*) [6, с. 181]. В зарубежной юридической литературе весьма справедливо указывалось на конструктивность использования указанной концепции Поппера и в рамках юридической науки [5, с. 24].

Используя некоторое авторское упрощение идеи К. Поппера для целей настоящей статьи, назовем мир № 1 физическим миром, а миры № 2 и 3 — информационными мирами. Представляется, что отнесения прав человека к миру физических состояний не вполне верно, если речь не идет о реализации права и т. п. Взятые сами по себе права человека следует относить не к физическим, а к информационным феноменам.

Эта очевидная мысль порождает, однако, серьезную теоретическую проблему. Это проблема выводимости прав человека. Можно ли выводить информационный феномен из физического при использовании научно-правовых приемов познания? Думается, что использование накопленной базы логико-философских знаний не позволяет этого делать. Несовместим онтологический статус объектов.

Можно логически выводить информацию из

информации, причем в лишь в определенных случаях. Эту выводимость условно можно считать естественной.

Между собственно физическими феноменами может существовать необходимая, возможная либо случайная связь. Необходимую связь можно было бы назвать естественной.

Но феномены информационные (права-притязания, права человека и т. п.) *не происходят* из физических феноменов (природа человека, природа вещей и т. п.), не производны из них. Конечно, между феноменами информационными и физическими существует определенная связь. Физические феномены описываются или оцениваются соответствующими высказываниями (информационными феноменами).

Но здесь нет выводимости как естественной связи. Выводимости нет, поскольку она присуща именно информационным феноменам. Соответственно, нет и естественной связи относительно подобной выводимости.

Таким образом, если понимать природу человека, природу вещей либо какую-либо иную природу как феномены, существующие в мире физических явлений (мире № 1), а права человека как информационные феномены, то данные феномены не выводимы друг из друга. Естественной связи как выводимости здесь нет. В силу этого высказывание Генерального секретаря ООН К. Аннана о том, что права человека «это часть нас самих, и мы являемся частью этих прав» [2, с. 10], можно рассматривать только как опредмечивание абстрактных сущностей, продиктованное благими намерениями.

Однако можно попытаться установить иную связь, например, семантическую (поскольку речь идет о природе информационного феномена), т. е. искусственную связь. Данная связь искусственна, потому что даже так называемые естественные языки созданы человеком. Кроме того, установление подобной связи окажется полезным, дабы предвосхитить потенциальные возражения относительно легкости авторского отнесения природы человека (отношений и т. п.) в мир физических явлений. На самом деле автор далек от мысли о том, что содержание термина «природа человека» (отношений и т. п.) является ясным и точным. Однако в нашей ситуации (при установлении выводимости одних феноменов из других) более сложным является различный онтологический статус феноменов. Поэтому

именно с данной сложности и начато рассмотрение выводимости.

Итак, следует перевести феномены, которые мы условимся считать начальными, исходными, например, природа человека и т. п.) в их описание, т. е. в информационные феномены.

Отметим еще раз, что в данном случае мы идем на значительное упрощение, поскольку описание, например, природы человека не представляется задачей тривиальной. Тем более, что речь идет о некоем универсализирующем описании, позволяющем адекватно отразить природу если не всех, то значительного большинства людей. Подобная универсализация необходима, поскольку мы хотим найти естественность в данной природе, а затем описать ее, выразить в суждении, т. е. отразить в информационном феномене.

Сложно опровергнуть мудрость тысячелетий, призывающую — «познай самого себя!». И осуществить подобный совет, как показал опыт тысячелетий, не менее сложно. А уж познать столь же глубоко и других людей — на порядок сложнее. Однако вряд ли стоит в данной связи впадать в непродуктивный агностицизм. Для целей настоящей статьи достаточно формальной схемы перевода одних феноменов в другие. Причем в настоящем контексте не имеет значения, о каком виде конечных информационных феноменов идет речь — о феноменах, принадлежащих миру № 2 или же № 3.

Получив исходные описания некоего естества (естественности природы), т. е. получив объекты, пригодные для потенциальной связи, выводимости, следует определиться с информационным статусом прав человека. Это необходимо сделать для выявления возможности искомой естественности выведения одной информации (прав человека) из другой (информации как описания естества). Естественность данного уровня, т. е. естественность *выведения*, будет возможна, если установить необходимость, причинность в следовании одной информации из другой. На сегодняшний день возможны лишь два вида необходимости в строгом смысле слова. Это физическая и логическая необходимость.

Необходимости политическая, экономическая, производственная и пр. являются произвольным словоупотреблением, основанным на

произвольном понимании причинности и объективности, что иногда свойственно гуманитарным наукам.

Итак, если вести речь о первом виде необходимости в строгом смысле слова, о физической необходимости, то мы будем вынуждены использовать дедуктивно-номологическое следование при выведении естественности следования. С одной стороны, это было бы идеальной схемой, поскольку речь шла бы о выведении с помощью законов логики (дедукции) одних естественных законов (номосов) из других. Подобные законы как раз известны естественным наукам (физике, химии и пр.). Но проблемой в данном случае будет являться описание через строгую формализацию той изначально найденной «природы» (человека, отношений и пр.) посредством естественно-научных законов. На настоящий момент автору не известна подобная формализация либо реальные предпосылки к ее осуществлению. Кроме того, в рамках данной работы автор не готов осуществить подобную формализацию либо вывести предпосылки к ее осуществлению.

Если использовать схему более простую, без внелингвистической эмпирики, т. е. схему с необходимостью логической, то речь будет идти о логической необходимости истинности высказывания [1, с. 14]. Данную необходимость и можно использовать при определении естественности выведения прав человека как информации. Однако для выведения такой естественности необходимо установить, к информации какого рода относятся права человека. При этом следует установить единственность данного статуса относительно естественности выводимости данной информации.

В данной связи отдельно следует остановиться на аксиологической «необходимости». С одной стороны, его непосредственное использование именно как связующего звена, т. е. как собственно «необходимость» также является не вполне оправданным. В данном случае происходит смешение терминологии аксиологических и алетических модальностей.

Конечно, с одной стороны, между аксиологическими модальностями существует определенная смысловая связь. С другой стороны, включение в аксиологическую схему алетической связи между аксиологически оцениваемыми явлениями предполагает

использование все той же причинности — логической либо физической необходимости.

Вместе с тем думается, что относительно возможности иного использования практического силлогизма в поиске логических аспектов происхождения прав человека существуют определенные соображения.

Если использовать данную схему не только в виде причинной связки в попытке обойти физическую или логическую причинность, а именно в целостности, то это может дать возможность найти логические основания происхождения прав человека как исходной либо вторичной информации в цепи феноменов *неописательного* характера.

Вместе с тем видно, что подобные основания позволят говорить об определенной естественности происхождения прав человека не только в случае отнесения ее информации описательного характера.

Именно поэтому прежде необходимо уделить более подробное внимание корректному определению информационного статуса прав человека, выяснив, имеются ли основания отнесения их к информации дескриптивного либо иного характера. Однако данное определение потребует дополнительного рассмотрения, выходящего за пределы данной статьи.

Список библиографических ссылок

1. Ивлев Ю. В. Содержательная семантика модальной логики. М., 1985.
2. Информационные материалы ООН в Российской Федерации. Пятидесятая годовщина Всеобщей декларации прав человека. М., 1998.
3. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
4. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982.
5. Amselek P. Law in the mind. Controversies about Law's Ontology. Edited by Paul Amselek and Neil MacCormic. Edinburg: Edinburgh University Press, 1991.
6. Popper K. Unended Quest. An Intellectual Autobiography. Illinois: La Salle, 1976.

© Попов В. В., 2014